

Чудо Георгия о змие

*

Сим победиши

*

Со времен Дмитрия Донского на Руси существует обычай ставить храмы в честь побед. Храм был лучшим памятником воинскому подвигу, в нем из поколения в поколение поминали павших и славили победителей. И храм укреплял веру в заступничество святых, в их спасительную силу. Недаром храм в память войны 1812 года был назван именем Христа Спасителя. От Куликовской битвы до победы над фашизмом – через века несут московские храмы славу русской истории.

Воскресение

С. Разгонов

На Пасхальной неделе колокольный звон бывает особенный: мягкий, покойный, чистый. Весенний, благовестный звон.

Помню, как впервые в ясный апрельский день услышал колокола церкви Всех Святых на Кулишках, то бишь на Славянской площади (она же Старая). Золотая главка в голубом небе, нарядная, вычищенная, праздничная на фоне серой скуки доходных домов, церковь эта с достоинством предстала удивленному городу, открывшему редкую красоту.

В эту минуту я осознал, что площадь Ногина для меня исчезла навсегда — со всеми мрачными легендами советского времени. Вот наркомат, что справа от церкви, в нем застрелился Орджоникидзе. Еще правее, при выходе из метро жалкие останки Китайгородской стены, снесенной по личному указанию товарища Сталина. А еще правее, на высоком холме, в бывшем «Боярском дворе», построенном Шехтелем для российских богачей, без устали работал Центральный Комитет, а в нем отдел пропаганды — мозг партии. И как этот мозг перенес семидесятилетнее соседство с церковью Всех Святых — самая большая загадка истории. По счастью, церковь не мешала движению демонстрантов, троллейбусов, черных кремлевских зисов.

Присутствие здесь ЦК создавало особый климат, наполняло воздух площади деловым оптимизмом, крепостью большевистской веры. Здесь милиционеры были важнее, солиднее, выше ростом, чище одеты, и редкие прохожие торопились проскочить мимо подъездов, откуда выходили порой — страшно подумать! — члены Политбюро. А уж сколько пыхтело «Волг» с фельдъегерями: под мышкой портфели, а в них красные папки с грифом «Совершенно секретно». Папки развозятся по всей Москве — по министерствам, обществам, редакциям, а в них — воля партии, ее смелые предначертания.

Да, была особая тайна и статья у площади Ногина, чувствовалась молчаливая близость верховной власти. Никогда не гасли окна на холме в доме Шехтеля. Кто-то вел корабль в ночи. Правы древние римляне: всюду есть свой *genius loci*, дух места, местное божество.

На площади Ногина оно имело явную партийную принадлежность. И так было годами, десятилетиями, казалось, так будет всегда. И даже помыслить было невозможно, что площадь когда-нибудь прервет затянущееся молчание, огласит окрестности колокольным звоном.

Эта площадь перестала быть советской не тогда, когда разъяренная толпа громила зеркальные подъезды Центрального Комитета, а когда городские шумы уверенно подчинил себе всехвятский колокол.

Все сразу встало на свои места. Так, как должно быть. Как заведено от века. Я увидел новый город, новую Старую площадь. Прежний, дореволюционный *genius loci* вернулся в свое обиталище.

«...Всех Святых, что на Кулишках, как из Российской истории видно, первоначально сооружена в княжение Великого князя Московского Дмитрия Ивановича, проименованного Донским, по одержании им над татарским ханом Мамаем близ Коломны на Куликовом поле победы...» Так в «Географическом словаре» 1801 года тяжелым торжественным слогом сообщалось о рождении в Москве церкви Всех Святых. Примечательно, что слова «как из Российской истории видно», повторяются и в других сочинениях. Должно быть, авторам понравилась эта формула, но дело не только в удачном словосочетании: скромная церковь и впрямь оказалась видной на всех исторических горизонтах России, во все эпохи, но чаще при обстоятельствах грозных и испытательных. Из века в век ее поминают летописи — то по случаю небывалого пожара, то по случаю свирепого мора. И сама церковь не раз горела — вплоть до пожара 1812 года, когда огонь добрался до иконостаса. Да и французы, конечно, усердно пограбили. Так что ее нынешняя веселая новизна пусть никого не обманывает: судьба у нее — страдальческая.

Пожары, надо сказать, бывали в Москве такие, что целые улицы носило огнем, и этого не могли не замечать летописцы. Вот строчки о великом пожаре 1547 года: «Заго-

релся храм Воздвижения честного креста за Неглинною на Арбацкой улице... А Варварскою улицею Все Святые и Св. Пятница и Рождество Пречистые и Никола Подкопаев и Флор Святой у конюшни, и конюшня великого князя, и по Воронцовский двор, и по Илью Св. под Сосенками...» Но храмы не исчезали в огне, а веками оставались на своих устроенных обжитых фундаментах — вставали из пепла, отстраивались заново или деревянные заменялись каменными, поновлялись. Так не раз случалось и с церковью Всех Святых на Кулишках: гореть горела, но в мытарствах и горестях дождала до нашего времени и стоит себе краше прежнего.

Не стану подробно описывать все перестройки, какие бывали в долгой жизни церкви Всех Святых. Скажу только, что в сегодняшнем своем виде она мало похожа на ту деревянную церкву, которую спешно поставили по воле князя Дмитрия Донского, в горьких думах вернувшегося после победы на Куликовом поле. А думы были горькие оттого, что победа далась большой кровью, много русских воинов полегло в битве. Иных хоронили на месте, на ближних погостах, в братские могилы. Других везли на телегах в Москву и погребали здесь, у новостроенной церкви. И назвали ее «Всех Святых», чтобы каждый погибший герой имел своего небесного покровителя. Было это в 1380 году. Тогда родился в Москве первый храм — памятник воинской славы, и традиция эта — ставить церкви в честь побед русского оружия — никогда более не прерывалась, вплоть до советского времени. Храм на Поклонной горе возродил ее и, надо думать, навсегда. Были бы победы.

Почему именно в этом месте князь Дмитрий Иванович повелел строить поминальную церковь? Место было вольное, просторное — Кулишки, что значит сенокосный луг. Здесь и дружину перед входом в Кремль можно было построить для последнего прощания с павшими. Впрочем, позже истории это название — «кулишки» — стали соединять с именем Куликова поля. Не знаю, как с точки зрения топонимики, но по существу верно. Пусть крохотная, тесно застроенная площадь хранит в памяти гулкий простор бескрайнего поля Куликова, на котором поныне археологи находят наконец боевые стрелы, обломки мечей и много человеческих костей.

Справимся у Сергея Михайловича Соловьева о жертвах Куликовской битвы: «Когда, говорит предание, великий князь велел считать, сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михайла Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек, тогда как в битву вступило больше четырехсот тысяч... Вот почему в украшенных ска-

заниях о Мамаевом побоище мы видим, что событие это представлялось, с одной стороны, как великое торжество, с другой — как событие плачевное, жалость». Церковь Всех Святых и есть воплощенная жалость, печаль по убитым на Дону. А убили, как всегда, самых лучших и самых храбрых, среди них четверых князей, тринадцать бояр, троицких монахов Пересвета и Ослябя. Да и сам великий князь был ранен, верные слуги отыскали его среди горы трупов.

Конечно, Дмитрий хотел, чтобы в Москве был храм, где бы вечно поминали героев Куликовской битвы. Странно, но летопись не отразила этого события — постройки церкви на Кулишках. Впервые летописное упоминание о ней встречается через сто лет — в связи с очередным московским пожаром.

Бесстрастно и с роковым постоянством летописец сообщает: «...загорелся на посаде у Москвы церковь Благовещенье на Болоте... погоре по Петровский мост и по Неглинку и по Все Святые на Кулишки и по Васильевский луг и по реке и мосты у Фроловских ворот...»

Спаская башня в то время, в конце XV века, называлась Фроловской, стало быть, пожар близко подступил к Кремлю. А Васильевский луг начинался чуть ли не за алтарем

«Сказание о Мамаевом побоище».
Книжная миниатюра XVI века

Всехсвятской церкви, сейчас это сторона Солянки, где Академия медицинских наук. Луг пересекал широкий ручей, вытекавший из Чистых прудов. Надо полагать, он-то и остановил тот самый пожар. Чуть бы раньше затих огонь — и церковь, построенная Дмитрием Донским, перешла бы в следующий век нетронутой, в перевозданном виде.

Ученые называют церковь на Кулишках памятником XVI–XVII веков. Вероятно, после упомянутого пожара она долго не возобновлялась, и вот при Иване Грозном является новое каменное здание, фрагменты которого сохранились до нашего времени. Потом снова пожар, и снова перестройка, в виде придела Николы Чудотворца. Так заявил о себе XVII век, со всем своим зодческим умением. Он-то и определил образ церкви, вобравший в себя новые веяния, стили, перемены вкусов и строительных приемов. По кирпичам и по кладке видна рука разных эпох и в этом живая история старой московской архитектуры. Чуть ли не по одному памятнику ее можно читать и изучать.

В XVIII столетии к церкви пристраивается еще один придел — пророка Наума. Наконец, в прошлом веке церковь Всех Святых опять обновляется при участии известного архитектора Быковского. После освящения 18 декабря 1877 года вплоть до 1930 года церковь живет обычной жизнью приходского храма, где ежегодно в сентябре не забывают помянуть убиенных на поле Куликовом. Почти шестьсот лет поминают! Как же мудро князь Дмитрий Иванович распорядился — поставить церковь на Кулишках, как угадал ее значение, как верно доверил ей память о подвиге русских людей. Получается, что погибшие живее их переживших — ведь их не забыли и никогда не забудут.

Два века по имени церкви на Кулишках называлась улица Всехсвятская, ставшая потом Варваркой. Улица эта, как все знают, коротка: до Красной площади, где кипит российская история, рукой подать. Можно сказать, что церковь Всех Святых, благодаря своему ключевому положению в городе, становилась очевидцем всех событий московской жизни на протяжении шести с лишним столетий. И Степана Разина, и стрельцов вели на казнь через Кулишки. Весь торговый люд из Владимира, Нижнего, с Камы и Волги въезжал в Москву по Солянке и не мог миновать Всехсвятской церкви. К церкви была приписана икона Боголюбской Божьей Матери, особенно почитаемой в Москве. Икона стояла в киоте на башне Варварских ворот, и народ всякий день толпился перед чудотворной, приносил монетки, ставил свечи, подолгу молился. Словом, место на Кулишках было бойкое. Археологи находили здесь огромное количество утвари,

монет, оружие, остатки старинных построек. Московская земля у Варварских ворот, как нигде, густо начинена осколками былой жизни, эхо которой отчетливо слышно и поныне.

Осенью 1771 года икона Боголюбской Богоматери и храм на Кулишках оказались участниками жестокой исторической драмы. В тот год в Москве свирепствовала чума. Дворяне, спасаясь от смертоносной заразы, бежали в свои подмосковные, по городу бродили шайки лихих людей, грабивших опустевшие дома, тащили все подряд, часто и зараженные вещи — и сами становились жертвами страшного мора. За день умирало по тысяче человек. Повсюду горели костры, жгли вещи умерших. Колодники в черных шляпах и масках собирали трупы на улицах. Тоскливо звенели погребальные колокола. Люди часами пропадали в кабаках или молились в храмах. Однажды, во время службы, священник церкви Всех Святых неосторожно рассказал пастве о сне одного фабричного, которому якобы привиделась Богородица. Она объяснила фабричному московское несчастье тем, что горожане недостаточно почитают икону Боголюбской Богоматери. Христос решил за это побить Москву каменным дождем, но Богородица умолила смягчить наказание — послать трехмесячный мор.

Суеверный народ тотчас кинулся к Боголюбской вымаливать прощение. За ним побежали священники, прямо на улице перед иконой стали служить молебны. Возбужденная толпа быстро росла, всякий хотел поцеловать чудотворную. Митрополит Амвросий, опасаясь роста эпидемии, приказал икону изъять и разогнать толпу, в которой было много больных. Народ возмутился, раздался крик: «Смерть Амвросию!» С Кулишек толпа помчалась по Варварке, ворвалась в Кремль. Но митрополит скрылся в Донском монастыре. Там его и настigli бунтари. Они забили владыку колыями.

«Благодаря генералу Еропкину бунт был прекращен» — пишет И. Кондратьев в книге «Седая старина Москвы». — Трое главных убийц повешены; двенадцать человек наказали кнутом и сослали на каторгу. В течение целого года покойного Амвросия поминали во все службы, а убийцам возглашалась анафема.

С тех дней вышел приказ прекратить набатный звон по церквам и ключи от колоколен иметь у священников».

Рассказ о чумном бунте И. Кондратьев не случайно поместил в главку о церкви Всех Святых на Кулишках, поскольку бунт, по сути, начался в ее стенах. И здесь было бы уместно еще раз вспомнить старую формулу: «Как из Российской истории видно». Такая

История церкви Всех Святых началась
600 лет назад

это церковь — шесть веков Российской истории отзываются эхом под ее сводами, она — веха, отметка бурных всплесков московской жизни.

Не сосчитать всех людей, которые приходили во Всехсвятскую церковь со времен Дмитрия Донского: ведь она лишь на двести лет моложе самой Москвы. Сколько поколений москвичей молилось в ее стенах, сколько свечей сгорело перед святыми ликами, сколько раз звенел колокол — не сосчитать. Громадность прожитого этим храмом времени, его связанность с судьбами Отечества заставляет думать об особом его предназначении. Ему мал ранг «памятника архи-

тектуры» и он больше, значительней, чем обычная приходская церковь.

Среди выпавших на долю храма испытаний, наверное, самым тяжким было унижение воинствующим атеизмом, который сродни слепому суеверию толпы времен московской чумы. Кто не с нами...

Бунт, который осенью 1771 года усмирил генерал Еропкин, был детской забавой по сравнению с 1917 годом. Тогда толпа разгромила лишь Чудов монастырь в Кремле. Октябрьская революция и ее вожди первой

своей целью считали полное уничтожение церкви — на все времена. Поэтому был найден соответствующий художественный образ — Русь уходящая. Но она не уходила сама по себе, ее изгоняли грубой силой, ее травили в кино и печати, ее взрывали, как храм Христа Спасителя, и гноили в лагерях, как насельников Свято-Данилова монастыря.

Большевики-язычники воровски набросились на богатства церкви, накопленные веками. Ленин призывал соратников: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом...» Это был обыкновенный грабеж среди бела дня. При этом Ильич предлагал физически уничтожить как можно больше служителей культа. И вождю прилежно внимали: только в 1920 году расстреляли 1215 священников. Это оказалось лишь началом коммунистической Голгофы.

После Белой гвардии церковь была врагом номер один для советской власти, хотя у церкви никогда не было иного оружия, кроме веры. Но именно этого оружия больше пушек боялись большевики, которым хотелось иметь монополию на светлое будущее. Религия отцов мешала чистоте новой веры, в людских душах мог поселиться опасный дуализм. Опять же опиум, мракобесие и прочая. Вместо церковного опиума был в изобилии заготовлен большевистский гашиш. От него дурело и дурет поныне не одно поколение.

При составлении Генерального плана новой социалистической Москвы действовал принцип: на месте церкви должна стоять школа. Действовал он весьма успешно и не только на ватмане. Печальный факт, но многие московские школы буквально стоят на старых церковных фундаментах. Такой простой заменой Сталин хотел добиться всеобщего просвещенного безбожия. Но известно: усекновение головы не означает исчезновения населявших ее мыслей. Голова сама по себе, а мысли сами по себе. Церковь была разгромлена, но Вера выжила в самом атеистическом государстве. В совершенно секретных документах Центрального Комитета партии из года в год тревожно сообщалось о «росте религиозных настроений в стране».

Но храмы бездействовали, если не были разрушены. В них хранили архивы, устраивали мастерские, склады, гаражи, как, например, в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. В свой черед закрылась и церковь Всех Святых на Кулишках. Товарищи арестовали священника, общину разогнали, повесили на колокольне красный флаг в знак своей исторической победы. Конечно, лучше было бы взорвать, но уж очень

хороши подвалы. Наверное, это и решило участь Всехсвятской церкви, она стала тюрьмой НКВД, вернее, расстрельной камерой. Кругом наркоматы, а в них тучи врагов. Забирай их прямо в кабинетах и быстренько на Кулишки. Там в нижней подвальной церкви хоть из пушки стреляй, никто не услышит. Можно расстреливать даже днем, когда на площади полно народу. Славно строили предки. Только не знали, для чего.

Наверное, в сатанинской истории осквернения церкви не было более страшного сюжета, чем этот. Здесь большевики достигли вершин не воинствующего, а злодействующего атеизма. Они не могли не сознавать совершаемого кощунства, но это, наверное, доставляло исполнителям особенное удовольствие. Никто не знает, сколько жертв прошло через пытки и смерть в церкви Всех Святых, но было их, возможно, не меньше, чем погибших на поле Куликовом. Уже в наши дни реставраторы ужаснулись, когда обнаружили в нижнем храме сотни стреляных гильз.

Это была дорогая и неизбежная цена насильственного атеизма — человеческие жертвоприношения. Бессмертно оказалось дело римских легионеров, распинавших Христа, их дух воскрес в негибимых чекистах, осквернивших алтарь «приведением в исполнение». Но цивилизация не стоит на месте: револьвер сменил распытие. Вряд ли расстрельщики из НКВД задумывались над подобными сравнениями, они просто распинали — быстро и незаметно для современников. Правда, ошиблись насчет потомков: нам-то все видно и отчетливо слышно — каждый выстрел, прогремевший в подземелье Всехсвятской церкви.

О расстрелах в церкви на Кулишках мне рассказала Нина Анатольевна Орешко, первая староста этого храма после его шестидесятилетнего бездействия. Ей выпала трудная доля возрождать церковь Всех Святых вместе с отцом Мартирием, нынешним батюшкой.

1991 год стал переломным и счастливым в судьбе многострадального храма. К этому времени в его стенах тихо и незаметно существовал какой-то отдел Музея истории Москвы. Существовал недолго, сменив более шумных арендаторов — управление эстрады. Конечно, эстрадники лучше чекистов с револьверами, но их присутствие стоило храму тяжелых утрат и унижений. Деятели от культуры превратили церковь в воронью слободку, в коммуналку, прокопченную табачным дымом, поставили перегородки, понастроили кабинетиков для эстрадных начальничков, руководящих кто говорящим жанром, кто жонглированием. НКВД хоть не вешало батарей на стенах, для расстрела

это совершенно не нужно. А совслужащим нужно было греться и нужду справлять, по-сему в алтаре был устроен уютный клозет. Таким образом лозунг большевиков о превращении Москвы в город безбожников был блестяще реализован.

Однажды мне, начинающему журналисту, пришлось побывать по заданию редакции в этом управлении. Я написал заметку, в которой предлагал эстрадникам освободить церковь и сделать в ней музей Куликовской битвы. Но заметку не напечатали. Жизнь все сама исправила и без наших заметок...

Пять лет назад церковь Всех Святых на Кулишках, как и большинство других московских церквей, была возвращена верующим. Нина Орешко рассказывает: «На колокольню нельзя было подняться, все переходы разрушены... От живописи в храме уцелел только небольшой фрагмент под куполом — бог Саваоф. Все разрушено и поругано, но некогда предаваться отчаянию. Прежде всего нужно было получить ордер в Москомимуществе, что оказалось совсем непросто».

Не знал Дмитрий Донской, что заложенный им храм окажется в руках изворотливых чиновников, но, как говорится, с божьей помощью и их одолели. Нина Анатольевна не только добыла свидетельство на храм, но получила землю под него — впервые в России с 1917 года! Она добилась этого, несмотря на

протесты соседей из солидных министерств, которые не желали и метра уступить ново-явленным хозяевам. Конечно, земли немного, но зато своя: никто здесь больше не поставит палаток, не будет разъезжать на машинах, устраивать склады министерского мусора.

Самое время нам приглядеться к Нине Анатольевне Орешко, которой храм на Кулишках обязан своим возрождением после советского лихолетья. Стройная, красивая, стильно одетая современная женщина. В словах точна, в делах энергична, умна и доброжелательна. Портрет абсолютно светской дамы, которую легче представить себе на университетской кафедре, чем в церковной общине. Она и была доцентом Института радиоэлектроники и автоматики. Не увольняясь из института, стала старостой церкви Всех Святых на Кулишках. Прочитав студентам лекцию об искусственном интеллекте, мчалась в храм, где было очень много неотложных дел.

Дед Нины Андрей Куприяныч Шуров был оренбургским миллионером: пароходы, банки, кожевенные заводы, доходные дома. На память об этом сказочном богатстве у внуки остался только бабушкин кулон с

Здесь, у Варварских ворот, московский люд молился Боголюбской Богоматери

бриллиантами. Сама же бабушка кончила свой век в крохотной квартирке. Семья была старообрядческая, в ней почиталось древнее благочестие и житейская стойкость, способность переносить превратности судьбы. Словом, внучка известного всей России миллионера благополучно кончила школу в Курске и подалась в Москву, поступать в институт. Все предвещало обычный жизненный маршрут: диплом — работа — семья. Но молодая ученая дама увлеклась богословием, особенно привлекала ее фигура Серафима Саровского. На кафедре она читала курс под мудреным названием «Автоматизация приобретения человеческих знаний», но постепенно поняла, что этих самых знаний недостаточно, чтобы объяснить мироздание.

Поворотом в ее судьбе стала встреча с отцом Мартирием, в ту пору служившим в церкви Иоанна Воина, что у Калужских ворот, как говорили в старину, или напротив французского посольства, как сказал бы современный москвич. Молодую кандидата наук увлекли проповеди священника, в которых она услышала нечто такое, чего не хватало всемогущей кибернетике и прикладной математике. Она поняла, что абстрактное знание не может сделать человека счастливым, что не все тайны бытия может объяснить интеллект. Она многое поняла во время долгих бесед с о. Мартирием, но главное было в том, что ее инстинктивная вера в Бога слилась с нравственным императивом — необходимо делать добро. Она называет это послушанием и так, конечно, точнее, но я думаю, что ее вхождение в церковь, оцерковление, было и самовыражением личности, профессионально искавшей истину. Она нашла ее в деятельной сопричастности делам церкви. «Вера без дел мертва есть». Этот азбучный догмат для Нины Орешко не остался лишь афоризмом, а стал единственным смыслом и правилом жизни.

И первым делом ее послушания было глубокое изучение богословской литературы. Уже через год она сама преподавала богословие — все-таки доценту никак не обойтись без кафедры.

Когда я познакомился с отцом Мартирием, то понял, что так привлекло к нему Нину Анатольевну Орешко. Спокойное достоинство, непоказная культура, яркий ораторский дар. Просто голос его приятно слышать — так он музыкален и красив. Думаю, певучесть его речи связана с его мирской профессией. Дмитрий Аркадьевич Багин, так зовут в миру отца Мартирия, учился в Гнесинке. Он пианист, подавал большие надежды, успешно концертировал, но в двадцать лет принял постриг, стал монахом.

Сейчас ему около сорока, на его проповеди в Кулишки собирается множество

народу. На мой взгляд, отца Мартирия по праву чтут и любят прихожане, и с каким-то особым чувством говорят ему «Батюшка». Он добрый и мягкий человек, который явно сознает свою роль в судьбах других людей. Проповедничество — это не повторение известных истин, а способность зажечь сердца молитвенным словом. На это далеко не каждый священник способен, здесь нужен талант, глубина знаний и крепость веры, любовь к людям, без которой нет настоящей любви к Богу. Такой проповедник успокоит смятенную душу, утешит скорбящего, устыдит грешного. Не мне судить, каким должен быть православный священник, но думаю, что такие люди, как отец Мартирий, укрепляют доверие к Церкви, зовут в Храм всех, кто верит или стремится обрести веру. Никому не заказан путь к Богу, но нужно немало духовных сил, чтобы идти по нему.

Отец Мартирий стал первым настоятелем церкви Всех Святых на Кулишках со времени его закрытия в 1930 году. Уже на зимнего Николу 1991 года состоялась служба, хотя храм был полупустой, без икон, без убранства. Деятельно в обустройстве помогала староста Нина Орешко. Как говорит она сама: «У меня была цель — заняться богословскими делами, а пришлось заниматься хозяйственными». Доставала иконы, заказывала новые иконописцам и без усталости искала деньги. Выписала из справочника все телефоны солидных фирм и банков, звонила подряд: помогите спасти древнейшую московскую святыню. Изредка бывали подачки. И на том спасибо. Потихоньку чинили, латали, но нужна была масштабная реставрация, а значит, огромные затраты.

Однажды в церковь пришел мужчина лет сорока, представился: «Виноградов, президент Инкомбанка». Оказывается, Владимир Викторович тоже давно мечтает восстановить Всехсвятскую. Так они стали союзниками: банкир и староста. С того дня жизнь на Кулишках закипела, работы хватило резчикам, каменщикам, позолотчикам, художникам, но более всех Нине Орешко.

Для руководства Инкомбанка восстановление церкви на Кулишках не стало эффективным рекламным жестом. Была разработана целая программа помощи православной церкви и даже создан «Фонд возрождения и сохранения традиций русской православной церкви», генеральным директором которого стала Нина Анатольевна Орешко.

Пока Инкомбанк оплачивал все работы, пока реставраторы укрепляли стены и своды, пока на Урале лили новые колокола, а живописцы писали иконостас, ни на день не прекращалась на Кулишках церковная жизнь: отец Мартирий читал проповеди и молитвы, Нина Орешко вела катехизические

**Б.Н.Ельцин в церкви Всех Святых
22 июня 1996 года**

**Президенту Инкомбанка В.Виноградову есть
о чем поговорить с о.Мартирием**

**Ю.М.Лужков восхищен мастерством
реставраторов**

**Нина Орешко, награжденная орденом
равноапостольной Ольги**

курсы, приводила в храм друзей, крестила. Работала воскресная школа, медицинский центр: врачи бесплатно принимали прихожан.

«Нужно было не просто вернуть людей в богатый, сверкающий золотом храм, — говорит Нина Анатольевна Орешко, — нужно было возродить дом веры и благочестия, храм души после стольких лет богоборчества».

Когда-то церковь на Кулишках и ее придел Святителя Николая особенно почитали прихожане за исцелительную силу — сколько бед и хворей отступило здесь от обиженных судьбой. Исцелением прихожан от долгой немоты и безгласия стало служение отца Мартирия. Голос веры и надежды вновь звучит во Всехсвятской церкви. И вновь, как в былые времена, поминают героев Куликовской битвы, вновь стали святы для русского человека имена Сергия Радонежского, инок Пересвета и Осляби.

В нижней церкви, где чекисты расстреливали «врагов народа», отец Мартирий и Нина Орешко задумали открыть музей новомучеников российских. Пока поставили большой деревянный крест с медальонами жертв советского террора. Очень нужен такой музей! Что нынешняя молодежь знает хоть бы о патриархе Тихоне, который имел смелость открыто противостоять Ленину, или о великой княгине Елизавете Федоровне, ставшей настоящим ангелом милосердия?

Пришел день, когда церковь Всех Святых востала в полном блеске своего убранства и умиротворяющей красоты. Жарко горели свечи, сверкала позолота иконостаса, свежим лаком поблескивали лики новописанных икон. Мастерство иконописцев А. Лавданского, С. Янтербека, А. Вронского, А. Соколова вернуло церкви достоверность храмового действия, усилило молитвенное состояние каждого, кто приходит в храм с чистым сердцем. Созданный Савелием Ямщиковым фонд «Сохранение» передал в дар церкви Всех Святых несколько старинных намоленных икон. Все возвращается на круги своя.

Но это не произошло само собой. В судьбе одного лишь храма неотвратимо скрестилась воля отдельных людей и высшая промыслительная сила. Вот уж поистине об этом храме сказано: «Смертию смерть поправ».

Сбылось! Пришла на порог Всех Святых новая и, будем верить, благополучная жизнь. Пришло Воскресение. Закончилась страдальческая эра древнейшего московского храма. Тепло и уютно в нем, светло на душе. Сухо потрескивают и плавятся медовые свечи. Как замечательно сказал отец Павел Флоренский: «Поднесенная к горящей свече свечка сама зажглась и теперь уже не пассивно пользуется теплотой той, но сама распространяет тепло и свет». Зажгите свою свечу, поставьте перед Николой-угодником. Все хорошее сбудется.

Проповеди

*Игумена Мартирия,
Настоятеля Храма Всех Святых на Кулишках*

Неделя 1-я по Пятидесятнице, Всех святых

Во имя Отца, и Сына, и Святаго духа.

С праздником поздравляю вас, дорогие братья и сестры, с нашим престольным праздником.

Сегодня день Всех Святых. Как быстро летит время... Казалось бы, совсем недавно начался этот год, и вот за истекшие несколько месяцев мы с вами духовно пережили все крупнейшие события Священной истории, все то, что непосредственно относится к домостроительству нашего спасения.

Мы как бы побывали в яслях Вифлеемских, присутствуя во время Рождества Спасителя. Затем мы вместе со Святым Семейством были в Храме Иерусалимском, где участвовали в событии Сретения Господа нашего. Затем Крещение. Потом время общественного служения Господа нашего Иисуса Христа, о котором несколько раз за этот период повествовало нам Евангельское чтение. Наконец, мы с вербочками в руках присутствовали во время Входа Господня в Иерусалим — в Вербное Воскресение, после которого последовала страстная седмица. И ее мы с вами духовно пережили. И вот наконец совсем недавно праздничное «Хрис-